

© 1998 г.

М.В. ИВАНОВА

ДРЕВНЕРУССКАЯ АГИОГРАФИЯ КОНЦА XIV–XV В. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Одной из главных задач современной историко-лингвистической науки является создание полной истории русского литературного языка. Однако решить ее невозможно без изучения языковой ситуации во всех литературных жанрах в разные периоды их истории.

Наименее изученными в истории русского литературного языка оказываются древнерусские агиографические тексты, хотя в схеме иерархии жанров древних славянских литератур, предложенной Н.И. Толстым [Толстой 1988: 168], агиографии отводится важное ключевое место в древнерусской словесности: житийный жанр располагается на стыке конфессионально-литургической и национальной литератур, т.е. на границе между воспроизводимыми и оригинальными текстами. Кроме того, в средневековые жития выполняли функцию "массовой литературы" [Аверинцев, Андреев, Гаспаров, Гринцер, Михайлов 1994: 18].

В Древней Руси жанр агиографии был чрезвычайно популярен. Он представлен многочисленными переводными произведениями и великолепными оригинальными, являющимися общепризнанными литературными шедеврами.

Объяснить сложившуюся в истории русского литературного языка ситуацию, при которой язык древнерусских оригинальных житий не был предметом специального лингвистического исследования¹, можно тем, что лингвистов всегда больше интересовали тексты, отражающие живые процессы в языковом развитии. Такая традиция изучения прежде всего живых процессов, живой речи идет еще, как известно, от младограмматиков. Но живые языковые процессы, по давно утвердившемуся в науке мнению, в текстах различных жанров отражаются с разной степенью интенсивности. Так, в памятники, фиксирующие повседневную жизнь (деловая письменность, частная переписка, определенные фрагменты летописей и под.), новообразования, появляющиеся в устной речи, проникают легче. А памятники церковно-книжного характера менее восприимчивы к новообразованиям. Потому деловая письменность (в широком смысле), а не конфессиональные и агиографические тексты, привлекала лингвистов, стремящихся зафиксировать новые элементы языковой системы для восстановления строя древнерусского языка и его функционирования. При этом также считается, что, как и конфессиональные, агиографические произведения, утверждавшие высокий нравственный христианский идеал, были текстами "идеальной" формы, каноническими и образцовыми с точки зрения их литературно-языковой эстетики, не допускающей широкого проникновения в язык житий народно-литературных, не говоря уже о разговорных, элементов.

¹ Существуют лишь единичные исследования языковых черт того или иного оригинального жития, например, статья В.В. Виноградова "О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума" (1922 г.) [Виноградов 1980: 3–41], а также упоминания некоторых агиографических произведений в курсах лекций и учебниках по истории русского литературного языка (например, [Ларин 1975; Мещерский 1981]) и словники некоторых житий [Герд 1990].

Такое традиционное представление о языковой ситуации в жанре агиографии.

Сказанное о неизученности древнерусских житий относится и к оригинальным текстам, созданным в конце XIV–XV вв., одной из сложнейших эпох в истории русского языка, которой завершается древнерусский и начинается старорусский этапы. И потому изучение состава и функционирования языковых единиц именно в эту эпоху конкуренции и становления норм литературного языка представляется весьма важным. Что же касается агиографии, то именно в этот период житийная литература переживала полосу своего расцвета: она значительно увеличилась (количественно), и в ней наиболее выразительно и завершено проявился экспрессивно-эмоциональный, украшенный стиль. Кроме того, именно в конце XIV и в XV вв. создают свои житийные произведения два выдающихся агиографа Древней Руси – монах Троицкого монастыря Епифаний Премудрый (2-я пол. XIV в. – до 1422 г.) и монах с Афона, серб Пахомий Логофет (10-е г. XV в. – после 1484 г.).

Исследование рукописей житий, созданных в конце XIV и в XV веках: "Жития Стефана Пермского" (1396–1398 гг.), написанного Епифанием Премудрым, двух житий, написанных Пахомием Логофетом – "Жития Кирилла Белозерского" (1462 г.) и "Жития Алексея митрополита" (ок. 1450 г.), "Жития Сергия Радонежского" (1417–1418 гг.), созданного Епифанием Премудрым, позже отредактированного Пахомием Логофетом, а также анонимной Первой редакции "Жития Михаила Клопского" (1478–1479 гг.)² – позволило реконструировать языковую специфику произведений житийного жанра этого периода, а также прояснить спорные проблемы и пересмотреть некоторые утвердившиеся в науке положения, касающиеся как общих представлений о языковых особенностях агиографических текстов, так и частных вопросов различного характера.

Для изучения языковых средств и характера их функционирования в этих текстах подробному анализу были подвергнуты морфология, лексика и синтаксис житий с целью установления сходств и различий в их языковой организации, а также эволюции языка агиографии в общем русле развития русского литературного языка.

Анализ морфологии житий показал, что в них не только устойчиво сохраняются многие архаичные для конца XIV–XV вв. особенности морфологической системы древнерусского языка и ее реализации в тексте, но вместе с тем ярко проявляются черты морфологии живого языка того времени. Изменения в морфологической системе регулярно, хотя в каждом тексте с разной степенью интенсивности, фиксируются в исследованных памятниках. Тексты отражают утрату двойственного числа; изменения в склонении существительных и унификацию падежных окончаний; выравнивание основ на задненебные; изменения в системе форм времени глагола, ведущие к становлению единой формы прошедшего времени, восходящей к древнерусскому перфекту, и другие процессы.

Так, на утрату в текстах житий двойственного числа указывают примеры³: *пре^А родителми своими* (ЖСтП 340об)⁴, *шое сгараше* (ЖСтП 279), *двѣма члѣв^м* (ЖКБ 397об), *свѣзанъ рѣками нже и ногами* (ЖКБ 439), *на свои^х нога^х* (ЖКБ 442об; ЖАМ 134об), *прѣ^Аша два брата* (ЖКБ 398об), *левъ и агнецъ вкѣпѣ починуть* (ЖАМ 129), *бѣдѣши без рѣкъ и без ногъ* (ЖМК 347) и др.

Унификация склонений прослеживается в словоформах с новыми падежными окончаниями: *(не ставляю) слова* (ЖСтП 339), *(въ ставленіе) тѣлѣ^х* (ЖСтП 313об), *(при) корени* (ЖСтП 339об), *учи* (ЖСтП 313), *оуши* (ЖСтП 331),

²Исследование каждого жития проводилось по нескольким спискам: в настоящей статье цитаты даются лишь по одному из них.

³Ограниченность объема статьи не позволяет привести обширный фактический материал, который представлен в житиях. Поэтому в качестве иллюстраций приводятся лишь по 2–3 примера из каждого исследованного текста.

⁴В скобках при цитировании указывается сокращенное название жития и номер листа рукописи по пагинации, сделанной в XIX в. в верхнем правом углу каждого листа.

(дѣлателѣ) виноградоу (ЖСтП 322), (противѣ) грѣхѣ (ЖСтП 330), ликове (ЖСтП 334об), врачеве (ЖСтП 337об), (ѡ) ра^звратниковѣ (ЖСтП 317), окомѣ (ЖКБ 410об), тѣломѣ (ЖКБ 388об), церковь (И п. ед.ч.) (ЖКБ 437), мѡжеви (ЖКБ 420), (въ) вертѣпѣ (М п. мн.ч.) (ЖКБ 379), (во имѣ) матери (ЖАМ 125), сыноу (Д п.) (ЖКБ 427; ЖАМ 129) и др.

Разрушение древней системы глагольных времен проявляется в образовании форм аориста и имперфекта как от приставочных глаголов: прѣидохѣ (ЖСтП 251об), изволи^х (ЖСтП 251об), насытишѣ^{сѣ} (ЖКБ 415об), поболѣ (ЖКБ 424об); протоковашѣ (ЖСтП 256), соводеворашѣсѣ (ЖСтП 256), посылахѣ (ЖКБ 416об), възвышахѣ^{хѣ} (ЖКБ 418), так и бесприставочных: видѣхѣ (ЖСтП 252), ави^{хѣ}сѣ (ЖСтП 339об), начахѣ (ЖКБ 415об), слышѣ^{хѣ} (ЖКБ 417); дивлахѣсѣ (ЖСтП 256об), гадашѣ (ЖСтП 299), ношахѣ (ЖКБ 442об), творашѣ (ЖКБ 417об) и под.; в наличии форм аориста и имперфекта, образованных от глаголов несовершенного вида: есѣдова^{хѣ} (ЖСтП 252); творахѣ (ЖСтП 275об) и от глаголов совершенного вида: створи (ЖСтП 338об); оувидахѣ (ЖСтП 275об) и под.; в неразличении аориста, имперфекта и перфекта по семантике и одновременном их употреблении в одной фразе: и ѡ се^м зѣло съжалихѣсѣ рабѣ Бжини и велии печеловашѣ^{сѣ} ѡ нѣ прелще^{хѣ}ни (ЖСтП 257об), си оубо градоуциѣ оустремленіе^{хѣ} нмѣшѣ прѣмо ѣко оугжѣсѣсѣ оустіе^{хѣ} вниде в во^лгѣ (ЖСтП 258), Феѡ^лръ стѣжа велию вѣроу кѡ стѡмѣ и не ѣко члѣ^{кѣ} нмѣшѣ его (ЖКБ 402об), стѣи же ѣко оуслыша скоро вѣста н...течашѣ (ЖКБ 418), захотѣлѣ кѣны взѣти и взѣша конѣ воронѣ (ЖМК 351) и под.; в неправильном употреблении числовых форм аориста и имперфекта: единаго по^хлѣба доволна быша (ЖКБ 416) вм. бысть, ветхаѣ мимодоша и се быша новаѣ (ЖКБ 438об) вм. бысть, князь...и вѣсѣ...князи и боларе...цѣловаста стѡе его тѣло (ЖАМ 133) вм. цѣловаша, вини^{хѣ} повѣдашѣ (ЖАМ 121-121об) вм. повѣдахѣ, и сътвори нгоуменѣ и Мѣхило мѣтѣ^{хѣ} и покопа мало (ЖМК 346) вм. покопаста и под.; в употреблении перфектных форм в аористном значении: не мы во тебе избрахо^м но ты на^{сѣ} избралѣ еси (ЖСтП 323об), бы^{хѣ} на^м законодаве^{хѣ} (ЖСтП 321об), земля долго время стоѣла некрѣпена (ЖСтП 305об), пѣть прендохѣ и шѣтель стѣго достигѣ (ЖКБ 379об), нже въ стѣхѣ шѣцѣ нашѣ флексіѣ доверѣ стадо пасѣ (ЖАМ 128об) и под.; в приобретении перфектом значения плюсквамперфекта: възспранѣвѣ^{хѣ} члѣ^{кѣ} тѣи шѣрѣте себе зѣрава и авіе скоро течашѣ с ра^лстію кѣ вѣнномѣ Кирилѣ...не вѣдашѣ^{хѣ} ѣко стѣи прѣставилѣсѣ е^{хѣ} (ЖКБ 431), и, наоборот, в приобретении плюсквамперфектом иных значений -- перфектного: бѣ во възврані^{хѣ} прѣвѣныи оученико^{хѣ} сѣи и отроко^{хѣ}сѣсѣ слѣжаци^{хѣ} емѣ не повелѣ ни шѣнѣ^{хѣ} взѣти что ѡ кѣмирницѣ (ЖСтП 279об), аористного: вѣдари^{хѣ} же нѣкыи Романѣ имене^{хѣ} флексан^{хѣ}ровичѣ далече шѣтели стѣго жилище нмѣѣ стѣго же не видалѣ башѣ...но токмо слышалѣ башѣ великаѣ о не^{хѣ} (ЖКБ 419об) и под., а также в других языковых фактах, фиксирующих разрушение древней морфологической системы.

Анализ языка житий дает возможность проследить историю отдельных морфологических явлений литературного языка, не отмеченных историческими грамматиками, например, становление и оформление в этот период у деепричастия синтаксической функции вторичной предикативности.

Как известно, генетически деепричастия восходят к кратким причастиям настоящего и прошедшего времени, претившим категории рода, числа, падежа и превратившимся в неизменяемые формы. Это дает основания характеризовать их как "смешанную часть речи", объединяющую свойства глагола и наречия [Пешковский 1956: 128], или определять их как "гибридную наречно-глагольную категорию" [Вино-

градов 1947: 384–392], или как "атрибутивную форму глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия" [РГ 1980: 672]. В исторической морфологии становление и развитие деепричастия не рассматриваются (например, [Кузьмина, Немченко 1982; ДРГ XII–XIII 1995]), и истории деепричастий в истории русского языка не существует. Поэтому возникла некоторая иллюзия отсутствия деепричастия как особого класса слов в древнерусском языке.

По-видимому, такая ситуация в исторической русистике сложилась из-за отсутствия достаточного материала, позволяющего создать полную и достоверную картину эволюции древнерусских деепричастий (безусловно, грамоты здесь исчерпывающего материала не дают).

Не претендуя на всестороннее рассмотрение истории деепричастий в русском языке, можно многое прояснить в этой нерешенной до сих пор проблеме, опираясь на оригинальные тексты древнерусских житий конца XIV–XV вв.

Любая часть речи формируется через употребление в синтаксисе. Когда в предложении у причастия появляется новая, самостоятельная функция, отличная от определительной, т.е. оно отрывается от имени и прикрепляется к глаголу, а отнесенность к глаголу выражается через функцию дополнительного сказуемого или позже даже обстоятельства, тогда морфологизируется новая синтаксическая функция деепричастия.

Конечно, деепричастие начинает занимать свою синтаксическую нишу и формироваться через функциональное перераспределение обозначения действия. Когда же возле деепричастия образуется определенная конструкция – деепричастный оборот, обособление с главным компонентом – деепричастием, тогда уже не вызывает никаких сомнений выделение деепричастий как класса слов языка с его единичными синтаксическими и семантическими свойствами. К сожалению, исторический синтаксис русского языка не располагает историей деепричастных оборотов⁵.

Текст "Жития Стефана Пермского" дает интересный материал для изучения становления деепричастий. Примеры употребления этого класса слов могут быть разделены на три группы.

I. "Будущие" деепричастия выступают в роли сказуемого, т.е. не представляют собой сложившейся грамматической категории и функционируют как причастия: не праз^анен же р^ано пребываа но д^алаше р^ажмаа свонма (256 об), сице оубо и с^аи ѿ ветх^ах и нов^ах книгъ ѿ ветх^аго и новаго зав^аѣта износа словеса на^аб^ачаа враз^амлаа наказаа шеращаа пекыса ш люде^х завл^аш^ах хота н^а ш^ар^ашн^ати ѿ со^азъ д^аво^аскыа и ѿ прелест^аи идольскыа (276).

II. Деепричастия претендуют на самостоятельную роль в предложении: они перестают обладать определительной функцией и не выступают в роли сказуемого. При этом значение сопутствующего действия выражено не слишком ярко: оукрашенъ вѣ штро^х тон поспѣваа възросто^а въ стра^х Б^ажни и страхо^а Б^ажнимъ оумилнвса (255), подвижаше еш са днь ѿ д^ане тако земля добропло^ана разжнныа враз^аы прогонмаа и многоразличныа плоды бл^агонзволена^а р^аиноса Б^аж (256 об).

III. Деепричастия относятся к глаголу и обладают функцией вторичной предикативности. Более того, они образуют возле себя определенную синтаксическую конструкцию -- оборот: М^алю^с ем^а е^а проса оу него слова потр^авна (252 об), и Б^агъ тебе прославить возмез^ане подаа тебе против^а тр^ах^а тво^ах (336), с^аа вса сыскавъ и собравъ сокровищ^а себе створи^ах (332), с^аи вл^ахв^а чародѣвы к^адесни^а з^ало възгордѣвса на раба Б^аж^аи на Б^ага х^ал^аныа г^алы в^асп^ащаа ш^акораше же и ш^аничижаше вѣр^ах к^ар^ат^аианскю (285 об).

По этим трем группам примеров можно судить о становлении деепричастий. Первая

⁵Недавно появилась монография, часть которой посвящена рассмотрению деепричастных оборотов в русском литературном языке первой половины XVIII в. [Hüttl-Folter 1996].

группа – это начальная ступень, когда деепричастие формально выражено, но по функциям не отделено от причастий. Вторая – это переходная ступень, когда намечилось перераспределение функций в составе предложения. Третья группа – это заключительная ступень формирования деепричастия как грамматически самостоятельной категории, отличной от причастия. Деепричастие выступает в роли дополнительного сказуемого или обстоятельства. Эти функции сопутствуют обозначению действия.

Таким образом, текст "Жития Стефана Пермского" отчетливо отражает процесс становления деепричастия в конце XIV в. как самостоятельного класса слов и деепричастного оборота как синтаксической конструкции, отличной от оборота причастного.

В житиях XV в. деепричастия выступает уже только как таксисные формы (термин Р.Якобсона), например: *сѣи оубо множае начат ми гл҃ати нѣчто ѿ стѣмъ написати... велю вѣржѣ имѣа къ вѣженномꙋ Кирилѣ (ЖКБ 380), посылаетъ царь ѿмѣратъ к великомꙋ князю Дмитрею Ивановичꙋ мола его тамо да послеть чл҃ка (ЖАМ 125-125об), и сѣа рече хота изити ѿ ниꙋ (ЖСР 213об), старецъ сѣда пише* (ЖМК 344), что позволяет сделать вывод об укреплении этой грамматической категории в русском литературном языке в этот период.

Морфология житий, отражающая постепенное усиление влияния живого языка на книжный с конца XIV к концу XV вв., в целом с одинаковой степенью демонстрирует такое усиление, чего нельзя сказать о лексике и синтаксисе житийных произведений.

Так, в лексике жития, созданного в конце XIV в. Епифанием Премудрым, на фоне основного ее массива, образуемого общеупотребительными и нейтральными словами, выделяются два больших маркированных, полярных по отношению друг к другу пласта.

Первый – это бытовая лексика, причем под ней понимаются не только слова, обозначающие явления и предметы действительности, которые составляли условия повседневной бытовой жизни людей, но и которые были широко распространены в живой речи и не распространены в книжном языке, т.е. те слова, которые фиксируются историческими словарями в деловой письменности и не фиксируются в памятниках книжно-славянского типа литературного языка. В "Житии Стефана Пермского" эта группа представлена такими лексемами: *лишенникъ* (336 об), *оушкѹнникъ* (320 об), *догадка* (268 об), *соснагъ* (288), *вслопъ* (266 об), *накастити* (296), *навещати* (316 об), *пригожин* (299 об) и др. [Иванова 1995: 180–187].

Второй, противоположный лексический пласт – это новые сложные, сугубо книжные слова, составленные самим Епифанием по греческой специфически книжной словообразовательной модели и часто являющиеся кальками. Всего в тексте "Жития Стефана Пермского" обнаружено около 250 сложных слов; среди них наиболее интересными являются те, которые зафиксированы словарями лишь с единственной ссылкой на это житие или вовсе не учтены словарями: *добролѣтныи* (261 об) (*εὐετία* = *εὐετηρία* "добролетие"), *кѹмиротребнаа* (280 об) (*εἰδωλόθυτον*), *лѣповидецъ* (293), *невѣстоукрашитель* (324 об) (*νυμφοστόλος* "невестоукрашительница"), *прѣмоуслѣчныи* (270 об) (*εὐστοχος*), *скѹдопамятство* (337 об) (*δυσμνημόνευτος* "с трудом удерживающий в памяти") и др. [Иванова 1994: 60–71].

В словарном составе "Жития Кирилла Белозерского", созданного в середине XV в. Пахомием Логофетом, нет ни сниженно-бытовых, ни нарочито книжных элементов. Конечно, в этих текстах присутствуют как слова, обозначающие предметы и явления быта и обихода, напр., *неводъ* (423), *трава* (434), *ребро* (403 об), *оудица* (423), так и слова-composita, напр., *благодать* (380), *длѣготръпѣнїе* (450 об), *живоначалаа* (426), но и те и другие имели широкое распространение в памятниках различной временной, жанровой и территориальной принадлежности. Лексика житий Пахомия Логофета в основном нейтральна и общеупотребительна.

Однако в "Житии Кирилла Белозерского" обращают на себя внимание слова, составляющие довольно большую группу, которые фиксируются словарями также в памятниках разных жанров, но лишь с XV, XVI и даже с XVII веков: *ердань* "прорубь" (422), *начальство* (392 об), *нераденіе* (451), *патловын* "петушиный" (439), *разсѣднѣльнын* (436), *кротѣти* (445), *ѡвнѣ* (387 об) и др.

Неточность и неполнота словарей известны. Но общие тенденции развития словарного состава языка отражаются в словарях достаточно четко. Поскольку употребленные в тексте жития Пахомия Логофета лексемы, не отмеченные словарями для этого периода, представлены не единичными примерами, а составляют достаточно объемную группу слов, можно сделать вывод об использовании Пахомием в своем агиографическом произведении новой, "авангардной" лексики, таких слов, которые существовали в живом языке, но получили письменную фиксацию лишь в более позднее время.

Что же касается лексики Первой редакции "Жития Михаила Клопского", созданного автором-анонимом в конце XV в., то она отличается невероятной для агиографии просторечной сниженностью; в ее составе обнаруживаются диалектные разговорные элементы: *впрѣгъ* (346), *жары* (347), *тона* (347 об), *пратеца* (351), *свонтинѣ* (345 об), *наземѣ* (350) и др. [Виноградов 1978: 33–34; Дмитриев 1973: 196]. При этом в тексте жития практически отсутствуют слова абстрактные и составленные по книжным словообразовательным моделям [Иванова 1997].

Синтаксис изученных житий также совершенно различен⁶. В "Житии Стефана Пермского" господствуют чрезвычайно сложные синтаксические построения, внутри которых оказываются многочисленные сочинительные и подчинительные конструкции, ряды однородных словоформ, причастные и деепричастные обороты, украшенные при этом цитатами из Священного писания и авторскими замечаниями:

И тако понде дерзновѣнѣмъ многы^{мъ} оустремисѣ к шествію прежереченнаго вѣраза и оутверди лице свое в землю Пермскую тако бѣ лице его градыни кѣ прѣреченнѣи земли к земли заевеннѣи и не проходнѣи и безго^мнѣи и к земли пѣстѣи и гладо^{мъ} вдержимѣи гла^а же глѣю не гла^а хлѣбныи но гла^а иже не слышати слова Бжїа еже и дѣдѣ вѣща во дни гладѣ насытѣтсѣ (Псал. XXXVI) понде в землю ндѣже не ходиша ногами си стїи аплїи оучїици гни поистиннѣ во тѣх сж^т красны ноги влговѣствѣющїх^х мирѣ понде в землю ндеже не бывали вѣнхо^а аплѣтїи ндѣже не изыде вѣщанїе и проповѣданїа стѣх^х аплѣтѣ ндѣ^х не вѣ ни слѣда влгочѣтѣ ни вгоразоумїа ндѣ^х има Божїе штинѣ^а не именоваѣа ндѣже поклонѣютсѣ ндо^{ло} ндѣ^х жрж^т жрьтвенца слоужаще глѣх^х кѣмиро^{мъ} ндѣже молатсѣ издолбены^{мъ} болвано^{мъ} ндѣ^х вѣрѣютъ в кѣдесы и влѣхванїе и в чарованїа и в вѣсованїа и въ прочаа прелестїи дїаво^аскыа ндѣже сж^т глїи иноазычнїици невѣрнїи ндѣже рекоми невѣгласїи прелїценнїи некрїстїи члїи (ЖСтП 264об- 265).

Именно повтор на разных языковых уровнях (лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом) организует текст "Жития Стефана Пермского". При этом синтаксический период усложняется анафорами, эпифорами грамматического характера (гомойотелевтом) и ассонансами, усиливающими ритмику повторов и привносящими в текст рифму. Такой сложный синтаксис является главным компонентом экспрессивно-эмоционального, украшенного стиля, который уже тради-

⁶С сожалением приходится признать, что, во-первых, поскольку нет достаточных знаний в области исторического синтаксиса, нельзя в полной мере применить сопоставительный метод изучения при анализе синтаксиса житий конца XIV–XV вв., а во-вторых, приходится ограничиваться сопоставлением синтаксиса лишь исследованных нами текстов между собой. Это последнее, конечно же, само по себе и вполне допустимо и интересно, но не позволяет дать широкую интерпретацию синтаксических явлений и специфики синтаксиса изучаемых произведений в контексте общего развития синтаксической системы древнерусского языка.

ционно именуется стилем "извития словес" и который воспроизводит приемы византийской риторической прозы, дополняя их новыми оригинальными чертами.

В противоположность синтаксису "Жития Стефана Пермского", синтаксис "Жития Кирилла Белозерского" и "Жития Алексея митрополита" Пахомия Логофета характеризуется неусложненностью и лаконичностью конструкций:

«Ѣмърь же тако оуслыша дивляшесѧ помышляше же тако нѣкъ» ѿ вльмъжъ прѣиде къ стѣмъ мѣтѣ ради и посла в монастырь блженнаго Кирѣла хотѣ извѣстно оувѣдѣти кто сътъ бывшен в мнѣнастѣри вчѣра и третѣемъ днѣи (ЖКБ 401 об – 402); Видѣвше же хлѣбеници монастыра того таковое чюдо и* своими рѣжками брашно емлюще блхжъ тако егѣа мнѣжае даахжъ приходящи^м глѣда ра^а тогѣа мнѣжае множахжъ^с брашна и изобиловахжъ а егѣа вставѣнша даати хлѣбъ оубогым тогѣа паче мѣры начинахжъ скѣдѣти (ЖКБ 437 об – 438).

Такой синтаксис влияет на динамизм изложения и его простоту.

Отличительной особенностью синтаксиса житий Пахомия Логофета является широкое использование *praesens historicum*.

Употребление *praesens historicum* при изложении событий прошлого известно в древнерусских текстах как оригинальных, так и воспроизводимых. Однако тексты исследуемых житий характеризуются в этом отношении тем, что формы настоящего и прошедшего времени при рассказе о прошлом чередуются в пределах одного предложения или рядом стоящих предложений и воспроизводят манеру устного рассказа о событиях. Как известно, рассказчик, говоря о прошлом, оживляет и актуализирует событие, употребляя формы настоящего времени и тем самым приближая его к моменту речи.

Praesens historicum интересен противоречием между формой настоящего времени и функцией обозначения прошедшего, выражением предшествования и одновременности. Это создает эффект псевдоактуальности и влияет на стилистическую маркированность исторического настоящего. "Значением особого рода" называет В.Г. Адмони значение прошедшего времени, заданное всем характером текста и наслоившееся на значение презенса, которое придает повествованию "особый подчеркнутый и приближенный к слушателю оттенок, делая повествование более выразительным" [Адмони 1988: 100–101].

Явное несоответствие употребления форм презенса плану прошедшего в контексте, некий "грамматический конфликт" в языке "Жития Кирилла Белозерского" и "Жития Алексея митрополита" придает изображению дополнительную напряженность и эмоциональность, оживляет рассказ и тем самым выполняет стилистическую задачу. Служит стилистическим целям и использование темпоральной роли *praesens historicum*, когда повествование смещает настоящее в прошлое [Кузнецов 1949: 24], переносит читателя в окружение минувших событий, создавая иллюзию его сопричастности. Иными словами, изложение в историческом презенсе имитирует достоверность рассказа и делает читателя почти очевидцем изображаемого. Этого Пахомий Логофет добивается вполне: все житие и чудеса святого выглядят весьма зримо, а читать их занимательно.

По существу любой отрывок из текстов обнаруживает чередование форм настоящего и прошедшего времени при описании тех или иных событий. Проиллюстрировать это нетрудно:

Блжнѣи оубо прѣити Махришьскомъ нгѣменъ Стефанъ мжжъ същѣ в добродѣтели съвршенъ всѣ^м знае^м великаго ра^а житѣа сего пришествіе ѡвѣдѣвъ Козма течетъ оубо с ра^астѣю к немъ мнѣ^м бо время прѣиде ѡнелнже ѡждаше еко и припадае^т къ чѣтны^м его ногѣ^м слезы ѿ очѣю проливаа и мысль свою сказѣетъ емѣ^м въкжпѣ же и молнѣ^т его еже въ³ложити на нь нноческыи шѣраз (ЖКБ 383 об);

Но что оубо блжнѣимъ Кирѣ^млъ творить по си^х тако позна оубо зависть ѿ Гергѣа Ізакова бывающѣю на^м не ѡскорбѣна ни* томъ прѣрѣкова по гнѣвѣжъ

мѣсто даѣтъ ѿходитъ ѿтѣдж в древній монастырь Ржѣтва Прчѣтыя и тамо бѣмѣльствова баше (ЖКБ 393 об);

Вроуци же и старѣишннство предреченному Андронику и вса шже к потребѣ монастырскаго строенїа тому дароуѣтъ и шещее житїе в немъ сьставляѣтъ (ЖАМ 124 об);

Сен оубо Иванъ слышав о сѣмъ приходитъ с вѣрою и скоро исцѣленїе получивъ и штиде здоровъ в домъ свои (ЖАМ 135 об -- 136).

В текстах житий, написанных Пахომием Логофетом, присутствие *praesens historicum* нередко сопровождается указаниями на прошедшее время (кроме глагольных форм): много ѹбо время пренде, по сих же временех, по сѣмъ же едином недѣли прошедши и др. Такие указания по своей функции тождественны временным наречиям, употребление которых с *praesens historicum* оценивается исследователями как черта, характерная для разговорной речи [Россихина 1996: 105], а использование *praesens historicum* в несобственно-прямой речи, как было давно отмечено, носит простонародную окраску [Herdin 1905: 28].

Praesens historicum был зафиксирован по древним историческим хроникам и жизнеописаниям, которым и обязан своим собственным именем. Но обычно в древних текстах *praesens historicum* представлен в ином виде, нежели в житиях Пахомия Логофета. Как правило, одной-двумя глагольными формами прошедшего времени читателя вводят в контекст с планом прошлого. А далее в повествовании употребляются формы настоящего времени. В "Житии Кирилла Белозерского" и "Житии Алексея митрополита" контекст ориентирован в прошлое и общей концепцией повествования, и указаниями на прошедшее, и употреблением прошедших форм глагола. Но эти последние постоянно чередуются с формами настоящего времени, что не характерно для древней письменности и, без сомнения, представляет собой отступление от принципов построения и синтаксических норм книжно-славянского типа литературного языка.

Синтаксис Первой редакции "Жития Михаила Клопского" лишен книжного характера: Оу влѣкы в рѹка^х ширинка и шнѣ ширинкѹ дергѣ из рѹкѣ вонѣ оу влѣкы да на главѹ влѣкы доѣдешъ в Смоленско и поставѣ^т тѣ влѣкою и ѣз^аилъ влѣка в Смоленско и сталъ влѣкою(349); И посла^а к нему нѣмѣнѣ питѣ и ѣсть ѿ трапезы и шни пришли ажно заперто и шни ѿперли ажъ те^аанѣ са кѹритѣ а его в животи нѣтъ (350); более того -- в нем есть фрагменты, представляющие собой откровенную запись живой речи: хватѣ старцы Ми^ахѣила на стѣи нѣли а* его в монастырѣ нѣ^т (ЖМК 348-348об), хватѣ а* Ми^ахѣила ни бывало (ЖМК 348об), ѹ него рѹка и нога и языкъ про^а ѿпалсѣ и не говоритѣ (ЖМК 348об) и др.

Таким образом, исследование оригинальных агиографических текстов, созданных на Руси в конце XIV и в XV вв., со всей очевидностью демонстрирует разнообразие их языковой (а значит, и стилистической) организации, свидетельствующее о ненормированности выбора и употребления языковых единиц разными агиографами в этот период.

Епифаний Премудрый в своих житиях наиболее строго выдерживает книжный украшенный стиль, ориентированный на классические риторические образцы. И хотя он широко использует в житиях бытовую лексику, она, попадая в сложно организованный текст, входя в системные отношения с книжными лексическими единицами, нейтрализует свою маркированность и гармонично функционирует в его произведениях.

Пахомий Логофет упрощает повествование, отказываясь от усложненного синтаксиса и ориентируясь на разговорный. При этом он не допускает употребления слов и выражений, распространенных в быту, видимо, осознавая неизбежное еще большее снижение стиля при их функционировании в несложном синтаксисе.

Что же касается языка Первой редакции "Жития Михаила Клопского", то он с трудом может быть отнесен к книжному литературному.

Также совершенно очевидно, что тексты изученных житий фиксируют прорыв морфологических, лексических и синтаксических явлений живого древнерусского языка в книжный и тенденцию их укрепления к концу XV в. в языке оригинальных произведений агиографического жанра.

И, наконец, о втором южнославянском влиянии, которое в истории языка традиционно связывается с периодом конца XIV–XV вв. Изученные древнерусские жития в языковом отношении весьма различны, и потому их следует исключить из корпуса текстов, отражающих второе южнославянское влияние.

ИСТОЧНИКИ

Житие Стефана Пермского – ЖСтП: РНБ (ГПБ), собр. Погодина, № 862, лл. 253–348 об (XVI в.).

Житие Кирилла Белозерского – ЖКБ: РГБ, ф. 173, МДА, № 208, лл. 377–466 (XV–XVI вв.).

Житие Алексея митрополита – ЖАМ: ГИМ, Синодальное собр., № 948, лл. 118 об – 144 (70-е годы XV в.).

Житие Сергия Радонежского – ЖСР: РГБ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 746, лл. 209–261 об (XV в.).

Житие Михаила Клопского – ЖМК: РГБ, ф. 113, № 659, лл. 344–351 об (XVI в.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. 1994 – Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.

Адмони В.Г. 1988 – Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.

Виноградов В.В. 1980 – Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Виноградов В.В. 1978 – Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Виноградов В.В. 1947 – Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Герд А.С. 1990 – Язык русской агиографии XVI в. Опыт автоматического анализа / Под ред. А.С. Герда. Л., 1990.

Дмитриев Л.А. 1973 – Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.

ДРГ XII–XIII 1995 – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Иванова М.В. 1994 – Словообразовательная модель словосложения в древнерусском языке конца XIV в. // ФН. 1994. № 1.

Иванова М.В. 1995 – К истории взаимодействия "книжного" и "некнижного" в лексике литературного языка на рубеже XIV–XV веков // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995.

Иванова М.В. 1997 – Ряд предметный и ряд словесный в "Житии Михаила Клопского" // ИАН СЛЯ. 1997. № 5.

Кузнецов П.С. 1949 – К вопросу о *praesens historicum* в русском литературном языке // Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ. Вып. 8. М., 1949.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. 1982 – История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Ларин Б.А. 1975 – Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.). М., 1975.

Мещерский Н.А. 1981 – История русского литературного языка. Л., 1981.

Пешиковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.

Россицина Г.Н. 1996 – Об историческом презенсе в немецком литературном языке // ФН. 1996. № 2.

РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

Толстой Н.И. 1988 – История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Herdin E. 1905 – Studien über Bericht und indirekte Rede. Uppsala, 1905.

Hüttl-Folter G. 1996 – Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien; Köln; Weimar, 1996.